

ПОСЛѢ БЕРЛИНСКАГО КОНГРЕССА*).

Секретная записка о тайныхъ обществахъ въ Восточной Румелии.

Филиппополь.

Казни, ссылки и аресты образованныхъ Болгарь въ 1876 г. и во все время войны почти уничтожили развитой классъ въ Южной Болгаріи, заставивъ спастись бѣгствомъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ преслѣдованій Турецкаго правительства. Лишь съ вступленіемъ Русскихъ войскъ въ Забалканскую Болгарію стали собираться образованные Болгаре, и большая часть получила мѣста въ гражданскомъ управленіи. Лица эти были разбросаны, жизни общественной Болгарской не было, и о какихъ либо обществахъ или комитетахъ не было и рѣчи.

Собраніе Берлинскаго Конгресса и первыя извѣстія о раздробленіи Болгаріи вызвали опасеніе и волненіе среди образованныхъ Болгарь. Зашла рѣчь о посылкѣ депутатовъ, о протестахъ, объ агитаціи противъ предполагаемыхъ рѣшеній Конгресса. Но такъ какъ народнаго собранія не существовало и законныхъ представителей у Болгарь не было, то явилась потребность сгруппироваться хотя частнымъ образомъ, узнать желанія народа и направить ихъ цѣлесообразно. Для этого, впервые въ Филиппополѣ, а потомъ во всѣхъ окружныхъ городахъ, образовались *благодѣтельные дружества*.

Первоначальная цѣль этихъ дружествъ была собирать деньги и оказывать помощь тысячамъ вдовъ, сиротъ и разоренныхъ семействъ, оставшихся безъ крова и хлѣба. вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживалась и нравственная связь между разными округами. Политическихъ и тайныхъ цѣлей общество не имѣло; главными дѣятелями его въ Филипполѣ были лица, выказавшія потомъ свои консервативныя убѣжденія, какъ-то гг. Начовичъ, бывший редакторъ „Марицы“ (а нынѣ предсѣдатель административнаго совѣта въ Софіи), Тодоръ Икономовъ (нынѣ префектъ въ Сливнѣ), Дмитрій Храновъ (нынѣ драгоманъ Генеральнаго Консульства въ Филиппополѣ).

Вскорѣ по прибытіи международной организаціонной комиссіи въ Филиппополь собрались представители окружныхъ отдѣловъ благотвори-

*) См. выше, стр. 114.

рительныхъ обществъ. Они старались выяснитъ себѣ положеніе дѣлъ и условиться, какъ дѣйствовать на пользу страны; въ то время направленіе трудовъ комиссіи было еще не выяснено: вступленіе Турецкихъ войскъ считалось неминуемымъ. Представители отдѣловъ, передъ тѣмъ, чтобъ разойтись, составили *центральное настоятельство*, которое должно было сообщать имъ точныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, вступать въ сношеніе съ членами комиссіи и указывать отдѣламъ образъ дѣйствія. Предсѣдателемъ этого центрального настоятельства былъ священникъ Тиліевъ, такъ называемый Хаджи-Попъ, изъ Татаръ Базарджика, а главными дѣятелями г.г. Величковъ (тоже изъ Татаръ Базарджика), Люцкановъ (изъ Сѣверной Болгаріи), братья Кесяковы (изъ Филиппополя) и архимандритъ Меѳодій (изъ Македоніи).

Обязанность центрального настоятельства была *исключительно наблюдательная*. Но вскорѣ, подъ вліяніемъ вышеупомянутыхъ лицъ, принадлежащихъ къ крайней партіи, а также г-на Цанкова, бывшаго въ то время Тырновскимъ вице-губернаторомъ и командированнаго въ Филиппополь, дѣятельность центрального настоятельства совершенно измѣнилась. Выработавъ новый уставъ, оно обратилось въ политическое *общество единства*, и члены обязались клятвою сохранять тайну своей дѣятельности.

Задачею новаго общества *единства* было поставлено объединеніе Болгаріи, Фракіи и Македоніи, и для выполненія ея—агитація и сборъ денегъ. Комитетъ вступилъ въ связи съ подобными обществами въ Тырновѣ и въ Софіи и притянулъ къ себѣ постепенно все окружные отдѣлы первоначальнаго *благотворительнаго дружества*, ставшіе такимъ образомъ отдѣлами тайнаго общества *единства*. Впрочемъ Филиппопольскій Центральный Комитетъ лишь отчасти выказывалъ свои цѣли отдѣламъ и старался пользоваться отдѣлами какъ своими слѣпными орудіями. Чтобы успѣшнѣе распространять свои мысли и пріобрѣсти вліяніе, комитетъ дѣйствовалъ то именемъ экзарха, то именемъ Русскихъ властей, объясняя, что онъ не только пользуется содѣйствіемъ администраціи, но и покровительствомъ Императорскаго правительства; простой народъ, поселяне, вводимые въ заблужденіе разными слухами, поддавались постепенно безнаказанной дѣятельности Комитета, который оказывалъ свое содѣйствіе вербовкѣ охотниковъ въ Македонскія четы; въ Декабрѣ мѣсяцѣ вербовка производилась въ самыхъ окрестностяхъ Филиппополя. Комитетъ не стѣснялся выборомъ средствъ для сбора денегъ. Лица были обложены весьма значительнымъ сборомъ, согласно рѣшенію комитета и отдѣловъ; для полученія предъявлялись требованія безъ подписи, но съ печатью общества *единства*. Требованія эти были слѣдующаго содержанія: „Г-ну..... васъ просятъ выдать столько-то

Дружеству Единства, имѣющему цѣлью дѣйствовать для соединенія Болгаріи“. Въ случаѣ нежеланія уплатить (а такіе случаи бывали нерѣдко) пускались въ ходъ угрозы и насилія. Офицеры милиціи получали приказанія содѣйствовать сборамъ; въ Казанлыкъ были арестованы отказавшіеся платить. Кромѣ того, заявлялось, что лица противодѣйствующія комитету записаны и будутъ казнены, когда онъ станетъ временнымъ правительствомъ.

Разсчитывая напугать своихъ противниковъ, комитетъ ошибся однако въ расчетахъ. Чѣмъ энергичнѣе становилась его дѣятельность, тѣмъ яснѣе выказывалось, въ какія руки попало народное дѣло. Вліятельные Болгаре, какъ то Груевы, Гешовы, Кабашниковъ, Чомаковъ, Вулковичъ и другіе, сочувствовавшіе вообще народному движенію, но отнюдь не радикальному его направленію, обратились къ экзарху, чтобы онъ своимъ вліаніемъ остановилъ комитетъ, увлекающій народъ по столь опасному пуги. Русское Генеральное Консульство не переставало, съ своей стороны, убѣждать его блаженство содѣйствовать успокоенію края. Экзархъ согласился; но, видя, что комитетъ совершенно уклонился отъ его видовъ, рѣшилъ собрать представителей отъ округовъ, т. е. тѣхъ, которыми было выбрано первоначальное центральное настоятельство, обратившееся въ центральный комитетъ.

Совершенно отдѣльно отъ *блготворительныхъ дружествъ* и *общества единства* образовались въ концѣ минувшаго года тоже по всеѣмъ округамъ гимнастическія общества подъ именемъ *Орель*. Они должны были пріучить народъ владѣть оружіемъ и поднять въ немъ довѣріе къ собственнымъ силамъ. Политическаго характера они не имѣли, и даже была рѣчь пригласить иностранныхъ агентовъ участвовать въ обществѣ. При первыхъ попыткахъ придать гимнастическимъ обществамъ политической характеръ, наши власти угрожали совершенно закрыть ихъ, и въ этомъ смыслѣ былъ отданъ приказъ генералъ-губернаторомъ. Однако это не остановило дѣятельности комитета, и вскорѣ гимнастическія общества безсознательно подчинились вліанію комитета единства. Вліаніе это, конечно, возрасло еще отъ подобнаго подчиненія. Комитеты забрали въ свои руки все дѣло вооруженія и сдѣлали его обязательнымъ. Такъ напр. въ окружныхъ городахъ и селеніяхъ, въ тѣ дни, когда производилось ученіе, всѣ лавки закрывались, и не являвшіеся на ученіе платили штрафъ. Комитеты располагали деньгами; имъ же переданы были значительные запасы провіанта (до 50-ти тысячъ пудовъ сухарей).

Созванные экзархомъ изъ округовъ представители отдѣловъ собрались въ Филиппополь къ 25-му Марту. Въ это собраніе были приглашены и члены Центрального Комитета. Его блаженство обратился къ

предсѣдателю его, священнику Тиліеву (Хаджи-Попъ) и просилъ объяснить дѣятельность комитета и ея цѣль. „Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, отвѣчалъ Хаджи-Попъ, и если бы я зналъ, что меня призвали за этимъ, то я не явился бы. Я далъ клятву сохранить тайну нашего общества и не могу отвѣчать вашему блаженству“. Такое возраженіе возмутило большинство присутствующихъ. „Если священникъ такъ отвѣчаетъ экзарху, то чего-же намъ ждать въ будущемъ?“, говорили умѣренные. Опасность отъ комитета, скрывавшаго свои цѣли, стала ясна для всѣхъ. Были избраны новые члены комитета изъ умѣренныхъ въ дополненіе къ прежнимъ, и начались пренія. „Что тутъ обсуждать? говорили Хаджи-Попъ, Люцкановъ и Величковъ: „дѣло возстанія рѣшено; у насъ все готово, даже назначены интенданты“. „Да кто-же васъ на это уполномочилъ?— „Народъ“— „Когда, какимъ образомъ?“ Члены комитета отмалчивались. Чтобы обезпечить умѣренное направленіе, экзархъ самъ предсѣдательствовалъ въ собраніяхъ. Выборные являлись за указаніями въ Русское Генеральное Консульство и, наконецъ, постановили не дѣйствовать, не спросясь Императорскаго правительства. Оставивъ *временный* комитетъ и обезпечивъ въ немъ умѣренное большинство, выборные разъѣхались, и, чтобы успокоить умы въ округахъ, постановили сѣхаться вновь 12-го Апрѣля.

Сѣздъ этотъ состоялся нѣсколько позднѣе и былъ намѣренно продолженъ экзархомъ до прибытія генераль-адъютанта Обручева. Неудовольствіе большинства выборныхъ противъ членовъ Центрального Комитета еще усилилось отъ отказа ихъ представить счета и сдать деньги собранныя, какъ Центральнымъ Комитетомъ, такъ и присланныя нѣкоторыми отдѣлами. Громко заговорили о злоупотребленіяхъ; указывали на гг. Манчова, Матіевскаго и другихъ, которые до того были въ бѣдности, а теперь располагали большими средствами. Наконецъ собраніе окружныхъ представителей послѣ чтенія прокламаціи Государя и объясненій генерала Обручева постановило разойтись, прекратить существованіе комитета и сдать всѣ дѣла и архивъ экзарху. Такъ и было сдѣлано, и *Общество единства*, преобразовавшееся изъ благотворительныхъ дружествъ, само закончило существованіе.

Но бывшій Центральный Комитетъ, т. е. нѣсколько человекъ крайней партіи, получавшіе содержаніе, которое сами себѣ назначили, подъ руководствомъ священника Тиліева не подчинились этому рѣшенію; они не явились въ заключительное засѣданіе, стали агитировать противъ умиротворенія края и благодарственнаго адреса Государю и распространяли выпущенныя еще въ концѣ Марта прокламаціи, побуждающія къ возстанію.

Прокламація эта была составлена Болгариномъ Стамбуловымъ и отпечатана въ Филиппополѣ, въ типографіи Маннова въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. По порученію комитета, одинъ изъ офицеровъ милиціи явился въ Сливно къ губернатору и требовалъ у него переводчика и разрѣшенія напечатать прокламацію по русски, въ чемъ ему было отказано.

Нынѣ, не находя почвы въ Филиппополѣ, бывшіе члены Комитета рѣшили собраться въ Сливнѣ; 17-го текущаго Мая тамъ было тайное засѣданіе, на которое поѣхали нѣсколько человекъ изъ Татаръ Базарджика и Филиппополя.

Таково въ общихъ чертахъ состояніе въ Южной Болгаріи такъ называемыхъ комитетовъ, члены которыхъ сохраняютъ нѣкоторое подпольное вліяніе, пока въ ихъ безотчетномъ распоряженіи останутся значительныя собранныя суммы.

*

18 (30) Мая 1879 г.

Генераль-лейтенантъ Столыпинъ писалъ изъ *Филиппополя*:

22 Марта 1879 г.

Вчера въ Адрианополѣ, въ присутствіи агента желѣзнодорожной компаніи, Реуфъ-Паша, обратясь къ Германскому комиссару Брауншвейгу, спросилъ у него, къ чему поведетъ вступленіе Турокъ въ Румелию, на которое теперь настаиваютъ. Брауншвейгъ отвѣчалъ: вы покорите область не иначе, какъ послѣ страшнаго кровопролитія; я знаю настроеніе и средство Болгарскаго народа. Реуфъ отвѣчалъ Брауншвейгу: я самъ такъ думаю, и въ этомъ смыслѣ доношу.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРА СТРУКОВА.

къ директору дипломатической канцеляріи при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею, д. с. с. Хитрово. Пароходъ „Цесаревичъ“, Черное море, 28 Августа 1879.

Вамъ угодно было поставить нѣсколько вопросовъ относительно происходившаго въ авангардѣ настоящей кампаніи и причинъ могущихъ вызвать обвиненіе нашимъ войскамъ и начальникамъ со стороны печати.

Не имѣя своихъ записокъ подъ рукою, я сообщу вамъ въ короткихъ словахъ то, что можетъ быть послужитъ вамъ въ возложенномъ на васъ порученіи.

Съ минуты перехода войскъ черезъ Балканы, у Шибки, я былъ начальникомъ авангарда кавалерійскаго авангарда арміи и былъ сви-

дѣтелемъ того, что происходило на правомъ пути отъ Шибки до высотъ Чатарджи. Вамъ, какъ очевидцу, извѣстно, что еще лѣтомъ 1877 г. было движеніе Мусульманскаго населенія, а потому скажу только про часть Болгаріи, которой вы не видали. Отъ р. Вида къ Западу до границы я ходилъ съ кавалеріей по направленію къ Бѣлоградчику, Видину и Лому-Паланкъ. Вся эта мѣстность была очищена отъ непріятельскихъ войскъ, а жители Турецкихъ и Черкесскихъ сель поголовно уходили при появленіи нашихъ разъѣздовъ, безъ всякаго сопротивленія. Уходя, жители мало что оставляли въ домахъ; будучи вооружены, они легко давали отпоръ Болгарамъ и уводили скотъ, увозили имущество Болгарское немилосердно. Болгаре тотчасъ за симъ разбирали домъ ушедшихъ и сожигали села Турокъ и Черкесовъ до тла. Въ этой странѣ происходило насиліе только матеріальное, и обвиненія не можетъ быть на наши войска. Тутъ, въ этой части Болгаріи, рѣшался вопросъ историческій, путемъ самымъ простымъ: отдавалась Болгарамъ земельная собственность, отнималась у нихъ вся матеріальная движимость. Это происходило до паденія Плевны. Населеніе скрылось въ Видинъ, до котораго я доходилъ за Бѣлградчикъ въ горы и т. д.

Совершенно иное происходило за Балканами. Съ 1 Января 1878 года началось движеніе всего населенія мѣстнаго и прибывшаго изъ сѣверной Болгаріи и представляетъ совершенно другой характеръ. Тутъ Турки начали сами уничтожать все свое и Болгарское, увозя что можно и сжигая остающееся. Казанлыкъ и другіе города были жертвою, какъ извѣстно. Но это вамъ извѣстно, особенно то, что было на вашемъ пути; тоже, что происходило вправо и влѣво отъ большого пути, себѣ представить нельзя. Тамъ нельзя было удержаться, ибо нельзя было разбрасываться, тамъ шель бой между Болгарами и Мусульманами, и происходили всѣ насилія, кои печати отчасти угодно взводить на войска. Первое время Турки рѣзали и вѣшали, а подъ конецъ, когда мы дали, благодаря наступленію, возможность Болгарамъ вооружиться (не намѣренно), то Болгаре стали тоже неистовствовать, и ронять, такъ сказать, распереть, враждующихъ было невозможно.

Роль авангарда была крайне трудная, и винить за упущеніе нельзя. Извѣстно, что первое время мало войскъ было и, несмотря на это, смѣло скажу и съ спокойною совѣстью, что быстрое и дѣйствительно кавалерійское лихое наступленіе спасло много Турокъ и много Болгаръ. Кровавая драма начинается отъ Тырнова у Семенли, гдѣ встрѣчаешься съ войскомъ и съ вооруженнымъ населеніемъ. Упомяну, что пѣхота авангарда Скобелева, на пути отъ Казанлыка до Чатарджи, не имѣла боя, часть только повернувшаяся на Хаскіой имѣла дѣло и какое, я не знаю. Тамъ была полк. Панютинъ. Говорю

это для того, чтобы ниже сильнѣе выставить несправедливость обвиненія въ насилиі войсками. И такъ у Семенли, благодаря табору и до 4 т. вооруженныхъ Турокъ-переселенцевъ, я вынужденъ былъ, рискуя всеѣмъ для себя, употребить насилие. Пусть обвинители взвѣсятъ (6 крупновыихъ орудій, таборъ въ 500 челов. низама, 4 т. вооруженныхъ Турокъ), рѣка Марица, мостъ желѣзной дороги изъ Адрианополя на Филиппополь и вѣтвь на Ямболь, все это вмѣстѣ взятое—и одинъ драгунскій полкъ Русскій, Московскіе драгуны Государя! Неужели обвинители найдутъ страннымъ, что деревня атакована ночью, и можно нести отвѣтственность за то, что тутъ было ночью. На мосту была схватка, въ деревнѣ расчищали штыками, результатъ—мостъ сбереженъ, Турки съ семьями бѣжали, побросавъ весь свой обозъ. Обозъ подвергся разграбленію, ночью же Болгаре разобрали оружіе. На мосту снимается висѣлица Турецкаго правительства.

Большое обвиненіе должно пасть на слѣдующій авангардный бой 6-го Января у Германли, узелъ шоссейной дороги Филиппопольско-Адрианополь-Ямбольской. Послѣ короткаго боя съ отступавшимъ таборомъ низама занята станція желѣзной дороги. Изъ Солимановской арміи уже уходили партіями Турецкіе солдаты, присоединяясь къ обозамъ Турецкимъ. Подобный транспортъ наткнулся на драгунъ, завязался бой. Что же оставалось? Оставить ихъ занять Германли, мостъ громадный, каменный, и самимъ не завладѣть Германли? Усиливъ свою часть, мы атаковали и имѣли потери офицеры и нѣсколько нижнихъ чиновъ. Атакою потеря была и у Турокъ. Въ ночь съ 5 на 6-е въ Германли былъ отрѣзанъ эскадронъ, и Турки заняли мостъ желѣзной дороги. Видя, что Турки сопротивляются, что спасти надо моихъ, что массы все увеличиваются со всѣхъ сторонъ, я атаковалъ Германли. Послѣ сильнаго сопротивленія и 15 человекъ убыли, мостъ былъ взятъ въ темнотѣ ночи, и разгромъ произошелъ въ самой деревнѣ. Онъ былъ вызванъ необходимостью идти далѣе и еще особенно необходимостью навести страхъ на окрестности; ибо разъѣздомъ положительно нельзя было ходить. Правда, Германли представляло къ утру картину ужасную. Должно сказать, что оба боя происходили ночью, ибо я дѣйствовалъ такъ, не будучи довольно силенъ. Будь хоть одно орудіе, то выстрѣлъ по воздуху могъ бы навести страхъ; мнѣ же приходилось дѣйствовать эскадронами противъ тысячъ, поддерживаемыхъ солдатами съ ружьями Пибоди. Я чувствовалъ, что не быть рѣшительнымъ въ первую пору, я нашелъ бы сопротивленіе на каждомъ шагу, беспорядокъ въ Адрианополь, захватъ 54 орудій тамъ, облегченіе участи Болгаръ, на пути отступленія Турецкихъ войскъ. Бѣгство башибузуковъ, наплывъ массы народа, бѣжавшаго отъ драгунъ и уланъ нашихъ въ

Адрианополь заставили дрогнуть всѣхъ и поспѣшно уходить по направлению къ Адрианополю и Константинополю.

Вотъ два случая. Они могли вызвать нареканія, но которыя по существу не имѣють ничего подобнаго, чтò говорятъ за границу. Обращеніе нашихъ войскъ со всѣми остающимися было примѣрное; начальники обязывались священниками принимать стариковъ, дѣтей и передавали о семъ вновь приходящимъ начальникамъ.

Виновныхъ въ преступленіи башибузуковъ-Турокъ, которыхъ было безъ конца, запирали въ мечети и отдавали подъ присмотръ мѣстнаго населенія до прихода пѣхоты съ записками о числѣ арестованныхъ. За все время не произведено ни одного разстрѣлянія, ни повѣшенія, потому что я считалъ, что это не повело бы ни къ чему, такъ какъ страна богата разбойниками, и остановить ихъ было нельзя; помогать обстоятельствамъ можно было, быстро поступая, наводя панику и заставляя удаляться всѣхъ Мусульманъ.

Если бы отрядъ не имѣлъ задачей спасеніе Турецкаго и христіанскаго населенія, развѣ бы былъ сдержанъ отъ разграбленія Адрианополь? Развѣ было произведено какое-либо насиліе или преступленіе въ огромномъ городѣ? Напротивъ, на пути войскъ защищали Турокъ и Болгаръ. Если же Турки страдали отъ Болгаръ, то мы не въ силѣ были вездѣ удержать эту страшную междоусобицу. Тысячами Болгары шли за отрядомъ и при первомъ случаѣ отнимали у Турокъ, все чтò Турки отняли и увезли у нихъ. Достаточно было разсмотрѣть имущество Турокъ, чтобы убѣдиться, что половина, а часто и все принадлежало Болгарамъ.

Въ это время вдоль дороги Ямболь-Адрианополь шли 20 т. отряда Керимъ-Паши, спѣша къ Адрианополю. Чтò происходило на этой дорогѣ, трудно описать; голодныя войска неистовствовали въ Болгарскихъ селахъ и оставляли слѣды разбоя и грабежа. Разумѣется можно себѣ представить чтò дѣлали Болгары съ остающимися. Слѣды всего этого приписываютъ нашимъ войскамъ. Сдѣлавъ весь походъ и въ минуты особенно послѣднія, гдѣ всѣ страсти были возбуждены, гдѣ дѣйствительно соблазну не было предѣла, гдѣ бросались на полныя лавки вина, гдѣ часто валялось золото по землѣ, брошенное Турками, гдѣ бросались женщины и были беззащитны, я видѣлъ полную сдержанность Русскаго солдата и строгость офицера. Ужасъ картины былъ великъ, и въ голову не приходило злоупотреблять несчастіемъ народа.

Переходя къ дальнѣйшему періоду, когда мною было нагнано до 180 т. жителей и 60 т. подводъ, долженъ сказать, что мы сдѣлали всевозможное, чтобы облегчить судьбу несчастнаго люда, и не знаю, какая строка печати можетъ затемнить поведеніе наше. Предстояло

мнѣ идти дальше, пользоваться успѣхомъ и временемъ, или, для спасенія несчастной массы Турокъ, остановиться и не дать имъ умереть и быть жертвою отъ своихъ же башибузуковъ и отъ Грековъ-Болгаръ. Я чувствовалъ, что слѣдовало обезоружить всю массу, дабы не дать возможности Туркамъ оголить страну, по которой шла наша армія. Сопротивленіе мы вынуждены были подавить, окруживъ на 10 верстъ массы Турокъ, и признаюсь, единственное насиліе, которое я употребилъ, было то, что среди этой массы я поролъ мулловъ и старшинъ, кои возбуждали толпы противъ моего требованія, заставляя старыхъ фанатиковъ приказывать сдавать оружіе, чтò было достигнуто не безъ труда.

Настала трудная минута: надо было рѣшить, куда дѣвать всѣ эти массы. Держать на мѣстѣ, это приговоръ смерти голодной; отправить водворить на мѣстѣ жительства, это было пустить напротивъ наступающей арміи голодныя массы и разорять уже оголенный путь; пустить и гнать на Константинополь: разчетъ хорошій, какъ оно и было сдѣлано на Адрианополь, но дорога и всѣ деревни на пути были бы раззорены (не было извѣстно еще, чѣмъ кончится война). Сговорившись съ стариками и убѣдивъ возвращаться желающихъ, почти одна четверть пошла назадъ съ конвоемъ кавалеріи, чтò могутъ засвидѣтельствовать командиры полковъ кавалер.-гвардіи 1-й бригады, 2-й дивизіи, кои встрѣтили массы транспортовъ въ должномъ порядкѣ. Не желающіе пошли на Радосто и, переплывъ на Азіатскій берегъ, вѣроятно жалѣютъ, что не остались. Собирая стариковъ, вотъ что слышалъ отъ нихъ. „Если бы мы знали то, чтò слышимъ отъ тебя, паша, и что падишахъ Русскій такъ великодушень и его войска такъ хорошо будутъ обращаться съ нашими женами, мы бы остались подъ его управленіемъ и не погубили себя“. Распрашивая ихъ-далѣе, я услышалъ: „Проклятіе Сулейману и нашимъ правителямъ, которые приказывали намъ уходить, разорять и жечь свои дома“.

Это показаніе мнѣ дали письменно (Оно было представлено мною). Отпуская тѣхъ, которые не желали возвращаться, говоря, что у нихъ нѣтъ болѣе крови, благодарили, цѣловали руки и ноги; семьямъ которыхъ волы или буйволы падали, давали даромъ, лишь бы они могли спасти дѣтей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ другихъ мѣстахъ Болгары-Греки пользовались отсутствіемъ войскъ и грабили подводы, подвергая тѣмъ стариковъ и дѣтей голодной смерти. Скажу въ доказательство, что при всякой возможности офицеры и солдаты подбирали дѣтей, женщинъ и довозили на сѣдлахъ до деревень; впослѣдствіи, разумѣется, уже не было возможности: такъ много бросали по дорогѣ сами Турки.

Желать, чтобы Болгары жестоко не поступали—трудно: безъ преувеличенія, ни одной нераззоренной церкви, не оставалось дѣвушекъ въ деревняхъ, не встрѣчалось поселка, гдѣ бы ни валялись трупы священниковъ, дѣвушекъ и т. д. Приостановленіе массы Турокъ у Люпбургаса спасло отъ раздробленія дальнѣйшіе города и все пространство до Константинополя.

Какъ свидѣтель ужасной драмы, по совѣсти и чести считаю долгомъ сказать, что наши войска на пути къ Адрианополю въ авангардѣ вели себя во славу Государя и Россіи; они чувствовали и понимали все то, что сказано было имъ начальниками; наконецъ, строгость была непомѣрная въ этомъ отрядѣ. Пусть будутъ спрошены свидѣтели и сотрудники мои фл. ад. Языковъ, пол. Балкъ, командиры полковъ, художникъ Верещагинъ, ген. Скобелевъ, который шелъ по слѣдамъ нашимъ. Пусть по совѣсти скажутъ консулы Адрианополя, что всѣ были спасены, что, благодаря одного сборнаго кавалерійскаго полка, умѣвшаго энергично дѣйствовать, спасень 100 тысячный городъ.

Вы мнѣ поставили, Михаилъ Александровичъ вопросъ, а потому я отвѣчаю на него; не осудите, что я говорилъ отчасти про себя. Если я сказалъ нѣсколько разъ, это потому, что въ этомъ были всѣ, кто былъ въ отрядѣ; они чувствовали, какъ и я, заслугу ихъ. Только при такихъ условіяхъ могъ отрядъ исполнить честно то, что было: всѣ вели себя честно, христіански. Я отвѣчаю, что ни единого насилія, ни единой смерти не было безнадобной. Отрядъ былъ все время въ критическомъ положеніи; одинъ въ 150 часто и болѣе верстахъ отъ поддержки, я вѣрилъ, что всякое насиліе, всякій невинный разстрѣлъ или повѣшаніе могли принести несчастіе, и всякій чувствовалъ это. Отрядъ дрался когда нужно было; эскадроны, потерявшіе до 15 человекъ, значить, и насъ били. Спасали мы кого только могли, защищали Турокъ отъ Болгаръ, Болгаръ отъ Турокъ. Вотъ что дѣлалъ отрядъ. Жаль, что никого не было корреспондентовъ, никто изъ нихъ не выдержалъ, офицеры иностранные, никто не вѣдалъ интересы отряда и не пріѣхалъ. Не намъ о себѣ писать; но жаль, что дипломаты не могли отвѣчать въ Берлинъ, какъ слѣдуетъ. На васъ выпала доля; значить вы не отклонитесь дать значеніе всему, что вы отъ меня слышите. Здѣсь нѣтъ преувеличеннаго, напротивъ я мало написалъ; не откажите выбрать то, что вамъ можетъ быть нужно. Пусть знаютъ всѣ, какъ было дѣло. Русскіе, и тѣ не знаютъ, ибо никто не далъ себѣ труда написать. Разумѣется, читая, каждый Русскій скажетъ вамъ доброе спасибо, сохранить добрую память. Прилагаю копію съ одного письма, полученнаго изъ-за границы отъ личности мнѣ неизвѣстной, вѣроятно увлекающейся, извините, что это одно письмо; мнѣ было бы непріятно

давать другія, полученные; изъ Константинополя въ Адрианополь съ чего же нибудь написаны. Не улыбитесь: этой женщины никогда я не видѣлъ и не знаю, кто она.

Припоминаю, что, возвратившись въ Петербургъ, я объѣхать у Государя; онъ между прочимъ сказалъ Императрицѣ: Наконецъ я получилъ отвѣтъ отъ Непокойчицкаго о повѣшанныхъ (и съ улыбкой, обращаясь ко мнѣ: коихъ будто-бы повѣсилъ Струковъ). На это я шутилъ Государю отвѣчалъ, что художникъ Верещагинъ убѣждалъ постоянно меня повѣсить двухъ башибузуковъ, дабы нарисовать картину, и что я ему отказалъ, предвидя, что Европа изъ одного сдѣлаетъ сотни.

Прошу извинить за непослѣдовательность письма моего, за небрежность и дурную каллиграфію: писалъ среди шуму и стуку на пароходѣ. Переѣздъ чудный. Завтра, 29, будетъ Севастополь, къ 30 вѣрно поѣдемъ въ Ливадію, садимъ смотрѣ и домой, чего желаю и вамъ. Не мы жестоко поступали, враги Турокъ были Англичане. Когда умный Намыкъ-Паша видѣлъ несчастіе страны, у него вырвалось: „Англичане сдѣлали несчастіе народа, погубили насъ. При покойномъ Николаѣ I я говорилъ, что намъ расчетъ—дружба съ Россіей. Серверъ былъ сдержаннѣе, но сказалъ потурецки: вотъ чего мы ждали и могъ ли ты думать, что этимъ кончится!“ Переводчикъ мой стоялъ у дверей и слышалъ. Не есть ли это все доказательство того, что мы не причемъ въ разгромъ и несчастіи несчастнаго народонаселенія Турціи. Ну да довольно, будетъ будьте здоровы и извините, совершенно уважающаго васъ Струкова.

PS. Не знаю чтò было въ другихъ отрядахъ и говорю, чтò было въ авангардѣ авангарда. Спросите про Хаскію и Филиппополь, тамъ кто былъ, да еще есть путь до Софіи весь до Германли. По минованіи надобности пожалуйста возвратите письмо; оно мнѣ будетъ нужно. Крайне обяжете. Благодаря малости времени, я многое не могу написать вамъ. Говорятъ, Крестовскій написалъ брошюру объ авангардѣ. Пришлю. Письма не прилагаю, ибо оно вамъ бесполезно; дѣло въ томъ, что хвалятъ человѣческое поведеніе авангарда и поведеніе въ Адрианополѣ.

Секретныя записки и письма генераловъ Столынина и Струкова, равно какъ дагѣ выдержки изъ Дневника графа Валуева, печатаются въ спискахъ, сохранившихся въ бумагахъ С. С. Татищева, и доставлены въ „Русскій Архивъ“ его дочерью. П. Б.

